

**МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СОВРЕМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ»,
ТОМСК, 16–17 МАЯ 2014 Г.**

УДК 165.0

Д.В. Анкин

**ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
СЕМАНТИКИ**

Ставится вопрос об онтологических основаниях семантической теории. Демонстрируется независимость семантики А. Тарского от той или иной теории истины. Проводится обоснование независимости семантики от онтологических обязательств, связанных с квантификацией переменных той или иной объектной теории.

Ключевые слова: семантика, онтология, Тарский, Куайн, теория истины, материальная адекватность, онтологические обязательства, метаязык.

Согласно концепции онтологических обязательств онтология определяется квантифицированными переменными теорий при *объектной* интерпретации кванторов. В случае объектной интерпретации кванторов онтологические обязательства объяснимы в рамках *теории референции*. Семантика же принадлежит метаязыковому уровню, и говорить об объектной квантификации в отношении метаязыка проблематично, так как это требует признания абстрактных объектов, что далеко не всегда возможно. Оказывается, что онтология определяется не столько семантикой, сколько референцией связанных переменных наших теорий.

Для исследования онтологических обязательств семантики необходимо обратиться к трактовкам категории метаязыка. В качестве предмета критического анализа можно взять трактовки метаязыка А. Тарским и К. Поппером, у которых мы обнаруживаем разную степень присутствия метафизики. Метафизическая ангажированность семантического аппарата Тарского ограничивается приписыванием категории истинности корреспондентной природы, в то время как Поппер доводит онтологическую ангажированность метаязыка чуть ли не до максимума, предполагая наличие у метаязыка *дескриптивной* функции в отношении *мира*.

Метаязык определяется *чисто функционально* и относительно некоторого предметного языка. В частности, весьма странно выглядят сравнения возможностей предметного описания *действительности* (мира) с использованием объектного языка и метаязыка (что, например, пытается сделать К. Поппер). Когда утверждается, что метаязык должен быть *существенно богаче*, не ясно основание для сравнения «богаче». На самом деле, если мы

берем описательные возможности объектного языка в сравнении с описательными возможностями метаязыка, то описательные возможности метаязыка ограничены *описанием объектного языка*, но никак не описанием той же действительности, что описывается последним. Получается, что сравнение некорректно, так как термин «богаче» не определен.

О семантике можно говорить в двух смыслах – как о некотором метаязыке и как о некоторой метатеории. Если брать второй смысл, то онтологические обязательства в отношении категорий истинности, выполнимости, доказуемости в рамках того или иного предметного языка у семантики имеются (метатеория есть в то же время теория). Если же брать первый смысл, то никаких обязательств у языка семантики самого по себе не имеется, как мы и попытаемся обосновать в предлагаемой статье. В частности, в статье будет отстаиваться тезис, что семантика Тарского не зависит в своих теоретических основаниях (но не по своему генезису!) от метафизики корреспондентной теории истины.

Об онтологии также можно говорить в двух смыслах: 1) об онтологических обязательствах некоторой теории, 2) об онтологии глобального типа, равного метафизике. Можно говорить как об онтологии языка-объекта как языка некоторой теории, так и об онтологии метаязыка (семантика как метафизика). Опирающиеся на семантику онтология и метафизика нуждаются в иных критериях существования, чем классические онтологии метафизики. Если классическая онтология ограничивалась приписыванием реальных качеств (свойств) как критерия существования, то аналитическая онтология строится на анализе квантификации. Вместо свойств (реальных предикатов) мы имеем онтологические обязательства, связанные с употреблением квантора существования. Понятие онтологических обязательств У. Куайна успешно работает в области *объектной* квантификации (квантификации, интерпретируемой объектно), его распространение на случаи квантификации подстановочной (интерпретируемой подстановочно) проблематично.

С точки зрения методологии лингвистического поворота существование должно исследоваться через призму языка, через призму возможности корректных утверждений (высказываний) о существующем. Это несколько не значит, что мы обязаны делать существующее *зависимым* от языка, в каком бы то ни было онтологически значимом смысле. Указанное обстоятельство прекрасно понимал Г. Фреге, но далеко не все последователи Фреге помнят о его требовании непрестанной «борьбы» с познавательной неадекватностью языка. Дело не в языке самом по себе, а в *теории*, построенной средствами некоторого языка.

В статье «О том, что есть» Куайн определяет онтологический статус «возможных объектов» как сущностей неквантифицируемых, а значит, и не могущих являться подлинными понятиями. Квантификация допустима лишь в отношении самих *реальных* объектов (признаваемых реальными) некоторой теории, но не в отношении имен объектов, а также «возможных» объектов. В силу последнего Куайн приходит к необходимости ограничения области применения модальных операторов областью *высказываний*, термины же (и/или понятия) исключаются. Допустимы только такие классы объектов некоторой теории, для которых имеется процедура отождествления элементов соответствующих классов. Получается, что онтология задается *тождеством*, применимостью операции отождествления. Данный вывод хорошо со-

гласуется также и с тем, что онтология задается значениями квантифицируемых переменных, входящих в высказывания теории. Проблема «виртуальных объектов», по Куайну, состоит в том, что мы не знаем, как эти объекты считать (квантифицировать) и как их отождествлять.

Однако у нас могут возникнуть проблемы с интерпретацией самого тождества – достаточно вспомнить усилия Г. Лейбница и Г. Фреге по решению проблемы корректного определения отношения тождества. Будем считать, что категория тождества является более узкой категорией, чем категория *эквивалентности*, – не всякую эквивалентность можно трактовать как тождество. Когда эквивалентность не является тождеством, тогда ее невозможно связать с категорией онтологических обязательств.

Для обоснования того, что не всякую эквивалентность можно трактовать как тождество, достаточно указать возможность отношения эквивалентности между терминами принципиально различных языков, в частности, между терминами *метаязыка* и *языка-объекта*. Определения метаязыка и языка-объекта являются определениями *функциональными*, а функциональное определение не позволяет погрузить их в какой-то *общий* язык в качестве частных случаев последнего.

Иллюстрацией различия эквивалентности и тождества могут выступать проблемы, возникающие в программе «Антиплагиат» – в случае использования эквивалентных по графике букв, принадлежащих шрифтам различных языков (обычно буквы «а», «в», «с», «е», «о» и некоторые другие), понятного машине тождества никак не получается. Это говорит о том, что семантическая операция перевода не нуждается в наличии тождества (возможности отождествления переводимого и его перевода), что проблемы перевода в целом выходят за рамки тех форм анализа выражений с равенством, которые используют семантики фрегевского типа.

В общем же случае, следует считать недостаточной любую форму эквивалентности, если данная эквивалентность не включает процедуру обозначения (именования, референции). Без обозначения (референции) нет и тождества, поэтому там, где нет обозначающих (именующих, референциальных) выражений, нет никакой онтологии. Вопрос о соотношении семантики и онтологии необходимо решать в контексте вопроса об обозначающих функциях категорий семантики. Однако обозначающие функции у категорий семантики могут и отсутствовать.

Когда мы ограничиваем семантическую теорию функциями *перевода* между выражениями метаязыка и языка объекта, никакой онтологии может и не быть. Для перевода достаточно иметь отношение синонимии, а для существования (онтологии) необходимо наличие отношения тождества. Получается, что отношение эквивалентности не обязательно связано с принятием онтологических обязательств, касающихся признания возможности тех или иных типов объектов некоторой теории, выражаемой средствами языка [Р]. Если сказанное верно, это дает нам возможность поставить вопрос об онтологических обязательствах семантики А. Тарского немножко в ином контексте, чем то обычно делается. В дальнейшем мы обоснуем более сильный тезис – что отношение эквивалентности по схеме Тарского *не связано* необходимым образом с какими-либо онтологическими обязательствами.

Можно утверждать, что семантика Тарского не связана необходимым образом с онтологией, т.е. является *онтологически нейтральной*. Для начала постараемся показать, что знаменитая схема эквивалентности Тарского не может рассматриваться в качестве тождества. Тарский стремился построить семантику, во-первых, как строгую формальную теорию, во-вторых, построить такую на пути элиминации фрегевских смыслов, на пути перехода от теории значения к теории референции (чисто экстенциональная семантика). Данная, вторая часть решения Тарского заслуживает более пристального внимания.

Стремление к переходу на двухуровневую семантику у многих аналитиков осуществлялось на основе физикализма, в рамках которого и предложение трактовалось в качестве физического события – последовательности физических знаков некоторого языка, и то, с чем предложение соотносится – событие самой действительности (включающей и предложения), – трактовалось в качестве некоторого физического факта. Одна из сложностей физикалистской трактовки выражений некоторого языка состоит в том, что значения выражений должны сохраняться, в отличие от вещей, которые могут спокойно разрушаться и/или возникать. Путь решения указанной проблемы Тарским состоял в разграничении предложения на предложение как индивидуальное физическое событие (набор физических знаков) и предложение в качестве *типа*, т.е. класса некоторых физических событий. Решение это достаточно эффективное, но не устраняющее всех проблем, как мы попытаемся показать.

Что такое предложение в контексте семантики Тарского? Целесообразно выделить основания классификации для понятия *предложения*. В качестве примера рассмотрим четыре строки символов:

1. Снег бел.
2. Снег бел.
3. Бел снег.
4. Трава зелена.

Сколько предложений здесь записано? Если использовать термин «пропозиция», означающий выражаемую высказыванием мысль (по Фреге), то здесь имеются два «предложения» – пропозиции. Тарский с подобным решением бы не согласился, ведь для него должна быть возможна ситуация, когда *«одно и то же»* (подчеркнуто мной. – Д.А.) выражение, являющееся истинным предложением в одном языке, может оказаться ложным или даже бессмысленным в другом языке» [1. С. 92]. Если же мы станем использовать схему для *интерпретированных* предложений, а тем более для пропозиций, такое никак не получается. Если мы желаем оставить возможность изменения истинностного значения, то остается только одно – понимать предложение как набор физических символов (что и делает Тарский). Может ли истинностное значение предложения измениться в случае его корректного перевода, т.е. в случае эквивалентности предложения и его перевода?

Говоря об изменении истинностных значений при переводе, мы должны говорить о языках, достаточно хороших с точки зрения семантики Тарского, т.е. эти языки должны удовлетворять требованиям упорядоченности и незамкнутости, быть достаточно простыми экстенциональными языками. В качестве модели для исследования перевода как основания смены истинностного значения мы можем задать процедуру конструирования указанных языков

из некоторого более богатого языка, например языка с омонимией (плохо упорядоченного с точки зрения логической семантики). Сконструировав «хорошие» языки, не имеющие омонимии, мы можем рассмотреть проблему изменения истинностного значения при переводе между ними, моделируя «одно и то же выражение» (по Тарскому) в ситуации омонимии исходного языка.

Рассмотрим следующий наш пример – предложение «Ее коса в сарае». Если мы говорим о «косе» как сельхозинструменте, то, рассматривая ту же последовательность символов как разговор уже о заплетенных волосах, мы имеем, при определенных условиях, иное истинностное значение. Чтобы решить вопрос об изменении истинностного значения, разобьем наш исходный язык с омонимией на два простых языка без омонимии. В полученных простых (без омонимии) языках с терминами коса-1 и коса-2 омонимия исходного сложного языка никак не влияет на истинностное значение одного и того же (в каждом из получившихся языков отдельно) предложения «Ее коса в сарае». Оказывается, что изменение истинностного значения есть иллюзия, порожденная смешением различных языков, так как одно и то же выражение есть разные предложения.

Рассмотрим другое высказывание исходного омонимичного языка: «Этот студент бьет баклуши». Теперь сконструируем хорошие языки без омонимии. Мы можем вообразить, что в первом языке «бить баклуши» будет синонимично «бездельничать», во втором будет синонимично «делать легкую работу», а в третьем – играть в какую-то игру и т.д. Однако эти омонимичные значения исходного языка несколько не влияют на истинностное значение производных языков при переводе с одного на второй, третий и т.д. «Этот студент бьет баклуши» неизменно истинно тогда и только тогда, когда этот студент бьет баклуши. То есть истинностное значение почему-то не зависит от смысла данного высказывания в альтернативных языках. Мы видим, что для того, чтобы получились различные истинностные значения в двух различных простых языках простой омонимии в значениях сложного языка родителя недостаточно, нужны какие-то более сильные условия.

Рассмотрим третий пример: высказывание «Адольф Гитлер – пацифист». Предположим, что русский язык изменился таким образом, что слово «пацифист» стало обозначать «разжигатель войны». Тогда то предложение, которое мы бы оценили как ложное, приобретет истинностное значение «истина» в этом новом русском языке. Для подобного вывода мы должны отбросить необходимость перевода с русского 1 на русский 2, иначе даже в этом примере изменения истинностного значения не получится. Как мы покажем чуть ниже, переводимость есть существенное условие формализации отношений между языком-объектом и метаязыком для экстенциональных семантик.

Вернемся к Тарскому (см. пример из четырех предложений выше). Тарский брал предложения как некоторые физически данные последовательности символов, отвлекаясь от их интерпретации. Иначе нам никак не построить возможное *изменение* истинностного значения, о котором Тарский говорит. Однако до какой степени подобное отвлечение от содержания предложения допустимо? Ведь если рассматривать четыре вышеприведенные записи как четыре различных предложения, то тогда мы не

сможем говорить о предложении как о «**классе** однотипных записей», классы у нас просто исчезают.

Остается последняя возможность – рассмотреть наши записи как **три** различных предложения, объединив в один класс 1-ю и 2-ю запись. Только получим ли мы здесь удовлетворительное решение? Необходимая для образования классов записей «однотипность» сведется в этом случае к однотипности чисто грамматической формы. Эта возможность объясняет замысел Тарского о предложении как **классе** однотипных записей: «... под «выражениями», «предложениями» понимать не конкретные записи, а классы записей сходной формы (т.е. не конкретные физические вещи, а классы вещей)» [1. С. 92]

Если наши примеры показывают, что никакого изменения истинностного значения для «хороших» объектных языков не происходит, то остается только возможность отката на отброшенную возможность чисто физикалистского понимания предложения, которую Тарский справедливо избегает.

Вспомним знаменитую схему Тарского:

« X истинно $\exists p$ ». Где p есть предложение некоторого языка $[P]$, а X есть имя этого предложения в метаязыке. Разделение описываемого языка (языка объекта) и языка самого описания (метаязыка) является одним из методов, позволяющих построить семантику без противоречий и парадоксов автореференции. Данная схема **не является** определением истины: «Следует подчеркнуть, что ни само выражение T (которое является не предложением, а лишь схемой предложений), ни любой конкретный пример вида T нельзя рассматривать в качестве определения истины. ...лишь каждая эквивалентность вида T , полученная посредством замены « p » каким-либо конкретным предложением, а « X » именем этого предложения, может рассматриваться как частное определение истины... для конкретного предложения» [1. С. 95].

По-видимому, Тарский несколько неудачно называет свою **семантическую** теорию теорией **истины**, так как логика вообще и логическая семантика в частности истиной самой по себе (и соответствующими теориями) не занимаются, они занимаются лишь вопросами **передачи** истинностного значения от одних высказываний к другим. Тогда получается, что семантика Тарского является теорией истины не больше, чем теорией выполнимости, чем теорией следования и т.д. Не случайно, что она одинаково хорошо работает в большинстве «настоящих» теорий истины: корреспондентной (А. Тарский, К. Поппер), когерентной (Д. Дэвидсон), дефляционистской (П. Хорвич) и т.д.

О «семантической теории истины» допустимо говорить лишь в узком смысле, исключительно как о теории для языков дедуктивных систем. Только в рамках языков дедуктивных систем допустимо говорить о «семантической теории истины», в более же широком – **философском** толковании теорий истины – никакой «семантической теории истины» существовать не может. Семантику можно и нужно рассматривать лишь как важный **инструмент** для теории истины. В то же время семантика Тарского в целом и используемая в ней техника, связанная со схемой T ., **обладают** философской общезначимостью и могут распространяться на различные теории истины, что можно рассматривать как еще одно подтверждение онтологической нейтральности логической семантики.

Если логическая семантика нейтральна к существующим философским теориям истины, не является сама какой-то дополнительной теорией, то нет и онтологических обязательств, которые всегда являются производными некоторой *теории*, а не самого языка (семантики). Данный вопрос спорный – Тарский и Поппер не считали семантику нейтральной в отношении категории истины как соответствия, но ряд других авторов (см. чуть выше) так считали и использовали *ту же семантику для других теорий истины*. В таком случае правомерно говорить о семантических теориях истины во множественном числе, но лучше просто забыть данное выражение и говорить о семантике, семантических аспектах той или иной теории и т.п.

Если метаязык определяется чисто функционально как язык описания некоторого другого языка, то насколько допустимо говорить об его использовании для описания чего-то иного, чем другой язык? Насколько допустимо видеть некоторый мир как предмет метаязыка, как то пытается делать К. Поппер? Насколько правомерно, в частности, сопоставление метаязыка с предметным языком по их *дескриптивным* возможностям? Утверждается, что метаязык должен быть дескриптивно богаче, чем предметный язык, однако сами дескриптивные функции метаязыка в отношении любой предметной области, отличной от самого предметного языка, для метаязыка являются чисто *внешними, т.е. необязательными*. Как же быть с необходимостью большего выразительного богатства метаязыка? Какого типа эта необходимость?

Можно интерпретировать дело примерно так: метаязык в функции некоторого языка *предметного* описания (т.е. уже перестав исполнять собственную функцию, перестав быть метаязыком) может быть использован для полагания теорий, имеющих более богатую онтологию (предметность), чем теории его собственного исходного предметного языка. Это и будет большая выразительная способность метаязыка (которая включается в определение метаязыка Тарским) в сравнении с его собственным, исходным предметным языком, но это его способность уже не как метаязыка, а как *другого* предметного языка.

Метаязык – категория сугубо относительная, не обладающая самостоятельным существованием. Как только об этом забывается, как только речь заходит об употреблении метаязыка в функции описания предметных областей, сразу же порождается некоторая метафизика (онтология). Достаточно вспомнить размышления К. Поппера о метафизических обязательствах кореспондентной теории истины, связываемых им с возможностью описания *мира* средствами самого *метаязыка*. Мы же не должны забывать, когда говорим о метаязыке, что перед нами чистая функция, лишенная какой-либо субстанции (онтологии). Метаязык сам по себе, без языка объекта не существует.

Определенные проблемы использования семантики Тарского связаны с ее экстенциональным характером. Поясним данные проблемы. Если смысловое содержание высказываний игнорируется, как то и происходит во всякой экстенциональной семантике, то в качестве корректных (адекватных) конкретизаций схемы Т мы получим такие выражения, как, например, ««Снег бел» истинно, если и только если человек примат» (мы позволили себе отвлечься от проблем индексальности, которые могут возникнуть в связи с именовани-ем цвета снега, но не в связи с не зависящей от обстоятельств «приматностью» человека.). Выход заключается в том, чтобы толковать все без исклю-

чения экстенциональные подстановки в схему в качестве *переводов* с объектного языка на метаязык.

Перевод, как мы отмечали выше, не гарантирует наличие тождества, а потому не связан с онтологическими обязательствами. Перевод может, конечно, оказаться операцией отождествления для некоторых *внутриязыковых* трансформаций, которые лучше называть не переводами, а парафразами. Это следует из того, что определение некоторого класса опирается на онтологию той теории, которая задает элементы соответствующего класса *средствами выражающего ее языка* (не имеющие референции элементы могут быть исключаемы уже на стадии определения класса). Может, но не обязан, а поэтому все взаимоотношения между языком-объектом и метаязыком осуществляются без каких-либо онтологических обязательств.

Выражения типа ««Снег бел» истинно, если и только если человек примат» исключаются категорией *материальной адекватности*, которая выполняет этим свою основную позитивную функцию. Негативные функции категории материальной адекватности связаны с исключением семантически неправильных теорий истины. Понятие материальной адекватности, которое играет важную роль в приложении семантики к теориям истины, оказывается неоднозначным. Имеется два взаимосвязанных, но различных понятия материальной адекватности у Тарского:

А) Материальная адекватность состоит в соответствии термина (метаязыкового предиката) «истинно» нашим понятиям, нашим интуициям об истинном и ложном. Тарский даже допускает эмпирические методы проверки того, что люди понимают под истинностью, и склоняется к мнению, что не всегда осознанно, но люди понимают под истинностью примерно то же, что понимал Аристотель в своей корреспондентной трактовке истины.

Б) Материальная адекватность состоит в согласии нашего определения (понятия, метаязыкового предиката) со схемой эквивалентности: $X \text{ истинно} \equiv p$, где X – имя высказывания в метаязыке, а p – само высказывание. Получается, мы адекватны в использовании категории истины, когда адекватно предиклируем именам высказываний данную категорию соответственно утверждению либо отрицанию самих этих высказываний. Еще более упрощая – в соответствии между именами высказываний и самими высказываниями. То есть истинность есть свойство наших метаязыковых *именований* предложений некоторого языка, а еще более просто и грубо – *именования некоторых предложений в качестве истинных*.¹

Б) – это не совсем то же, что А). Дело в том, что из соответствия категории истины нашим интуитивным понятиям *следует* правильность именования каких-то высказываний в качестве истинных либо ложных, но из правильности именования по указанной схеме отнюдь еще *не следует* соответствие именуемого нашим интуитивным понятиям. Если мы понимаем истинность как соединяемый с именем предикат, это совсем иное, чем интуитивное понимание самого предложения.

¹ Ср. с более полным и более точным определением Б. Больцано: «...Предложение должно получить имя истины в себе, если только то, что оно высказывает, есть так, как высказывает само предложение» [2. С.67].

Здесь используются два различных критерия, один из которых включает в себя второй, является более широким. Критерий адекватности, связанный с метаязыковым именованием, несколько *шире* критерия адекватности связанного с нашими интуициями (с простым отбрасыванием контринтуитивных случаев толкования данной категории).

Когда рассматривается выражение некоторого языка, первым делом следует указать синтаксическую категорию данного выражения как символа этого языка: слово, предложение, описание и т.д. Если мы взяли выражение «снег бел», далеко еще не ясно, что данное выражение есть *полное* предложение или высказывание («лектон», как говорили стоики). Можно, например, предположить, что для образования предложения (высказывания) требуется явное указание, которое в нашем случае отсутствует или отдается на откуп контексту произнесения (или написания) соответствующего выражения.

Конкретизация схемы Тарского оказывается не формулой с переменными, а определяющим высказыванием без переменных: p здесь не переменная, пробегающая класс высказываний, а *постоянная*, т.е. какое-то *конкретное* высказывание, в котором нет ни связанных, ни свободных переменных (т.е. некоторая «фундаментальная формула»). Поэтому квантифицировать нам здесь просто нечего, и у нас не могут возникнуть онтологические обязательства на основании данной схемы в отношении существования каких-либо объектов. Схема оказывается без «второго этажа» – без неполных высказываний, она не содержит пропозициональных функций, которые могли бы взять онтологические обязательства в отношении тех или иных объектов.

Таков язык, в языке самом по себе квантифицированных переменных еще не имеется. Для языка самого по себе безразлично «все», или «некоторые», или «ни один», или «единственный» и т.д. «А какая мне разница» – как бы говорит язык. Язык выступает самое большее лишь *арбитром* наших теорий, и с квантификацией связываться он не имеет никакого права. Квантификация не безразлична лишь для *теории*. Поэтому разговор об онтологических обязательствах языка выглядит неадекватно – как разговор об игровых обязательствах арбитра, а не игрока. Язык же обязан перекладывать бремя онтологического решения (саму «игру», согласно нашей аналогии) на плечи формулируемых в нем *теорий*.

Представляется, что одна из причин иллюзии онтологических обязательств самого языка, которой не избежал и Куайн, возникает в процессе работы с *искусственными* языками – задание правил синтаксиса некоторого искусственного языка *можно* рассматривать как некоторую теорию. Можно, но вряд ли целесообразно. По крайней мере, как теорию в рамках данного языка (выражаемую в данном языке). Лучше рассматривать формулировки синтаксиса и правил искусственных языков как *метатеорию*. Поэтому даже самая лучшая теория (модель) языка не есть сам этот язык – модель языка онтологические обязательства несет, но уже на принципиально ином уровне – в качестве метатеории, а сам язык никаких таких обязательств не несет.

Еще один аргумент против онтологических обязательств семантической теории связан с возможностью дефляционистской трактовки схемы Тарского (сам Тарский дефляционистом, конечно же, не был, но выше мы упоминали П. Хорвича). Так, Фридрих Вайсман хорошо демонстрирует, как можно кри-

тиковать позицию противника дефляционистского истолкования схемы Тарского [3. С.92]. Аргументацию Вайсмана не сложно трансформировать в аргументацию, относящуюся к категории существования, так как существование может интерпретироваться как инверсия истинности.

Это выглядит примерно так. «Снег бел» имеет место (существует) = «снег бел». Можно ли говорить о большем содержании высказывания ««Снег бел» имеет место» – (а) по отношению к высказываю «снег бел» – (в)? Предположим, что так. Тогда конъюнкция $(a \wedge \neg b)$ может быть истинной при необходимой ложности $(\neg a \wedge b)$. Но что это значит? Как такое может быть, чтобы «снег бел» было ложно при истинности того, что «снег бел» имеет место (= существует)? Высказывание, что предложение «снег бел» является ложным, но имеет место такой факт, что снег бел (= «Снег бел» имеет место») будет противоречием. Что и требовалось доказать.

Сказанное объясняет онтологический статус семантики – будучи формальным языком, семантика одновременно является метатеорией, в которой и задается синтаксис не этого, а объектного формального языка. Формальный язык онтологических обязательств не несет, но метатеория, которая этот формальный язык задает, онтологические обязательства несет. Однако метатеория несет онтологические обязательства, безразличные существованию любых объектов, которые могут встретиться в теориях самого объектного языка – онтологические обязательства метатеории располагаются этажом выше.

Отсюда и двойственность тезиса Куайна, как и двойственность статуса самой онтологии – толи онтология должна нам говорить «о том, что есть» в смысле того, что существует на уровне объектного языка, толи онтология говорит нам о том, что мы *должны* признавать в качестве «того, что есть» на уровне метаязыка («кантианская» интерпретация тезиса Куайна). Должное пребывает на небесах метатеории. В последнем, «кантианском» толковании онтология оказывается всего лишь деонтологией нашего разговора о том, что есть. Но ни в одном из указанных толкований семантика не несет прямых онтологических обязательств в отношении того, что существует на самом деле.

Можно предположить, что для замыкания предложений метаязыка в некоторую семантическую теорию необходимы дополнительные метаязыковые термины, не являющиеся терминами самой семантики. Если так, то это может пролить новый свет на функции метафизики и объясняет соотношение метафизики аналитического типа с онтологией, как производным языка-объекта.

Литература

1. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия. Становление и развитие. М., 1998. С. 90–129
2. Больцано Б. Учение о науке. СПб., 2003.
3. Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. М., 2001. С. 83–117.

Ankin Dmitry V. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

THE PROBLEM OF THE ONTOLOGICAL COMMITMENTS OF SEMANTICS

Keywords: semantics, ontology, Tarski, Quine, theory of truth, material adequacy, ontological commitments, metalanguage

The article raises the question of the ontological commitments of a semantic theory. It is demonstrated that Tarski's semantics is independent of any theory of truth. We justify the semantics' independence of ontological commitments related to the quantification of the variables of a particular object theory. The main difficulty in using the category of ontological commitments author sees is that the semantics refers to the metalanguages level, while the methodology of the analysis of ontological commitment is designed primarily for the field of the object's interpretation of quantifiers. The second important point is that the study of the ontological commitments should be conducted in relation to the theory, but not in relation to the language. In this paper, we justify the ontological neutrality of the meta-language as a language of semantics. The article presents the idea that the Tarski's semantics is indifferent to the choice of the theory of truth. Semantics defines the general conditions of material adequacy for different theories of truth, and the famous Tarski's scheme can act as a universal criterion (canon) to determine the inadequacy of a theory. Tarski present confusion in his semantics of the two points of view to solve the problem of the ontological (metaphysical) nature of the semantic theory. Tarski simultaneously emphasizes a metaphysical neutrality of semantic theory, and at the same time its relationship with the correspondence theory of truth. It is very difficult to interpret in the spirit of ontological neutrality of the semantics. The article presents the rationale for distinguishing the semantics from a theory of truth. If the language is neutral to the existence or non-existence of certain objects, the ontological commitments passed on theory. The W. Quine's concept of ontological commitments has no consistent differentiation of the language and of the theory; may be, it is related to the features of artificial languages that are always constructed on the basis of some theory. The problem of ontological commitments moves from semantics as language to the area of semantic as theory. However, the semantic theory presents as a meta-theory, and for that reason to talk about the object quantification of the variables in the statements of metalanguage is problematic enough, because for this purpose it is required to enter abstract objects.

References

1. Tarskiy A. *Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki* [Semantic concept of truth and foundations of semantics]. In: Gryaznov A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya. Stanovlenie i razvitiye* [Analytical Philosophy. Formation and development]. Translated from English and German. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 90–129.
2. Bolzano B. *Uchenie o nauke* [The doctrine of science]. Translated from German by B.I. Fedorov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 518 p.
3. Vaysman F. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. In: Lepit S.Ya. (ed.) *Put' v filosofiyu. Antologiya* [A path to philosophy. An Anthology]. Moscow: PER SE Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001, pp. 83–117.